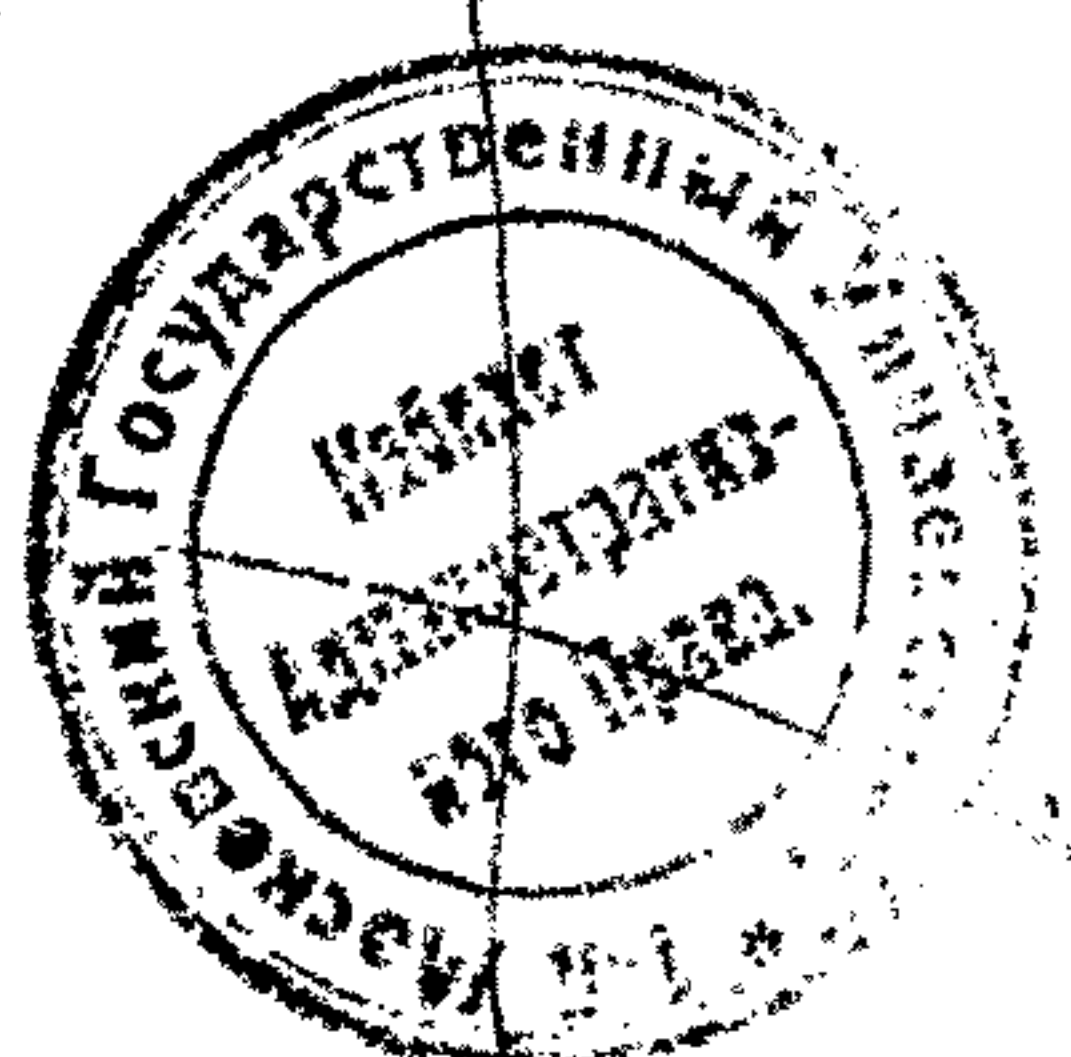
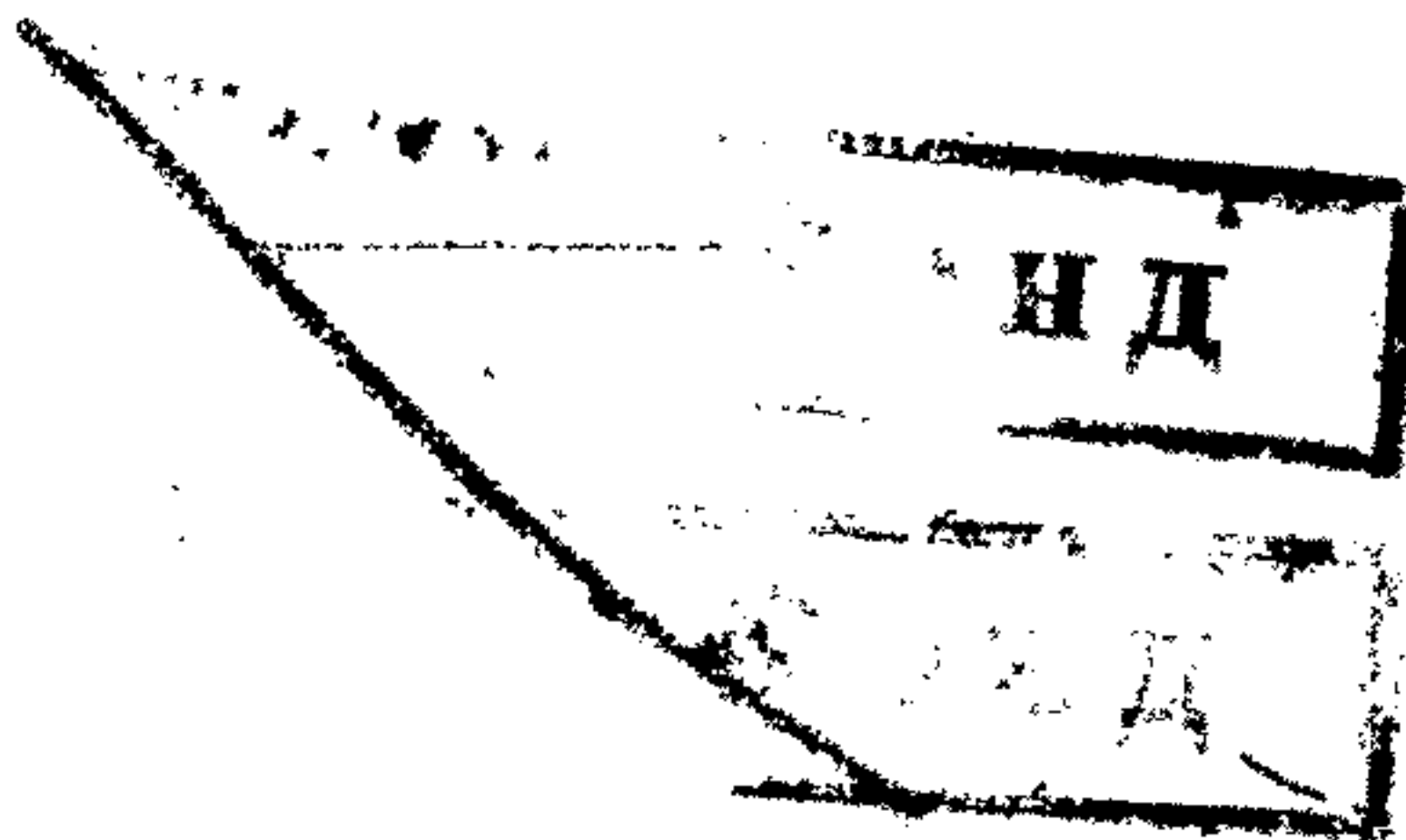
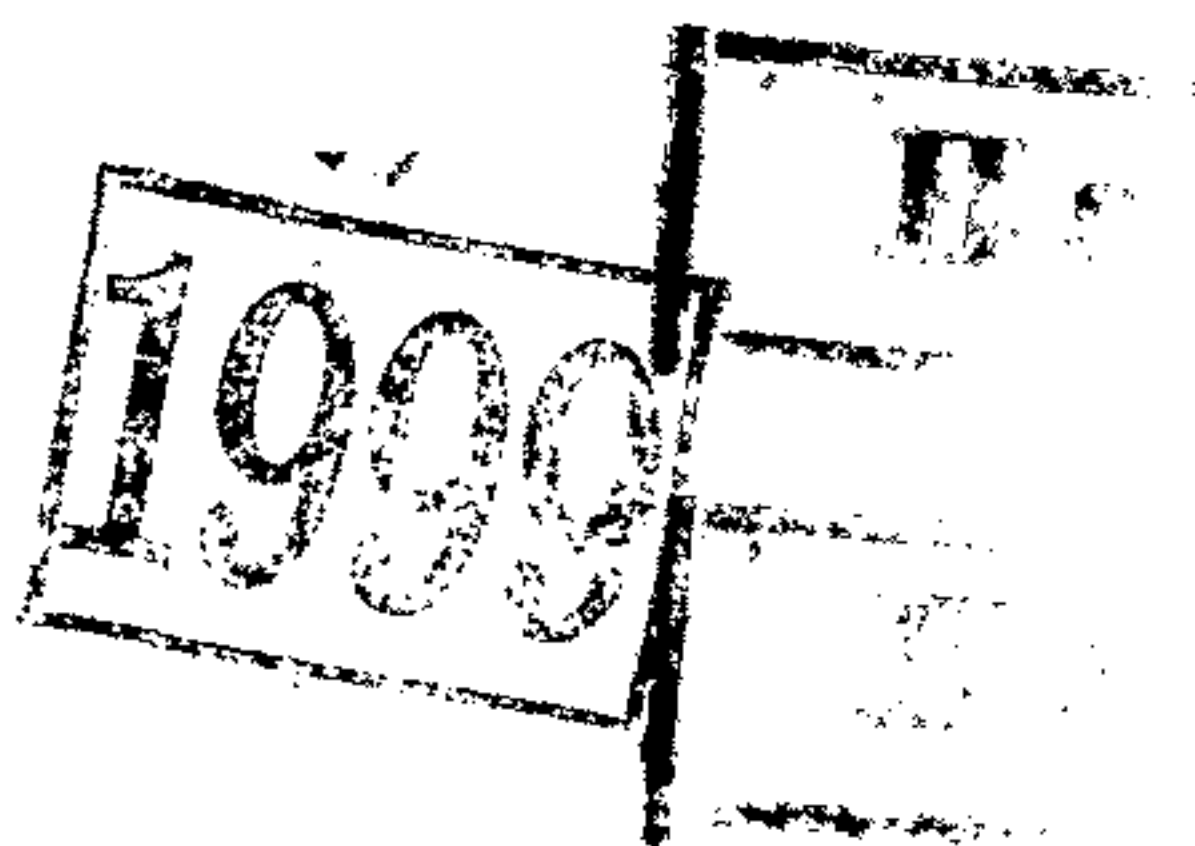
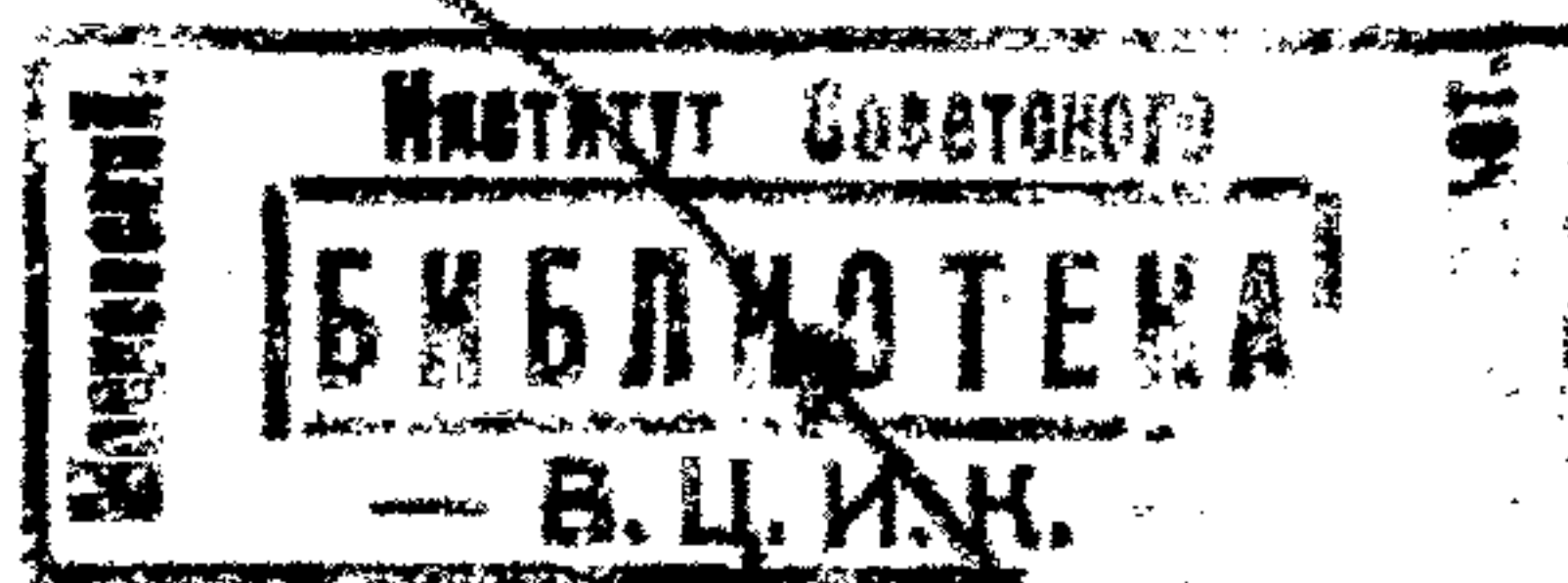

ПОЛИЦІЯ ВЪ ЭПОХУ РЕФОРМЪ

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

ПРОФЕССОРА

И. Т. ТАРАСОВА.

МОСКВА. 1885

Типографія А. Н. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5.

БИБЛИОТЕКА
Всесоюзного
научно-исследовательского ин-та
Советского земледелия

БИБЛИОТЕКА
Ю. А. Н. А. Н.

Содержаніе книги:

	Стр
Вступленіе	1
I	
Указанія, касавшіяся реформы полиціи	15
II	
1. Городская полиція	37
2. Уѣздная полиція	53
3. Губернская полиція	65
4. Жандармская полиція и военная сила	77
5. Судебная полиція	95
6. Отвѣтственность полиціи	119
Заключеніе	131
Приложеніе	143

ВСТУПЛЕНИЕ.

Въ четырехъ статьяхъ, напечатанныхъ въ журналѣ „Юридическій Вѣстникъ“ за 1884 г., я сдѣлалъ попытку указать на главнѣйшіе моменты въ историческомъ развитіи русской полиціи, какъ правительственнаго учрежденія, со времени возникновенія ея, — въ 1718 г., до реформъ прошлаго царствованія. Прогрессивное начало въ исторіи этого учрежденія за указанный періодъ времени обнаружилось особенно рельефно въ развитіи соотношенія между полиціей и юстиціей, вслѣдствіе чего различныя фазы этого соотношенія, въ ихъ прогрессивной послѣдовательности, и положены были въ основаніи дѣленія всего періода на слѣдующія четыре эпохи: 1) эпоха смѣшенія полиціи и юстиціи, 1718—1775 гг.; 2) эпоха попытокъ къ разграниченію полиціи и юстиціи и отдѣленія послѣдней отъ администраціи, 1775 — 1802 гг.; 3) эпоха выдѣленія изъ суда расправы и отождествленія послѣдней съ полицейскимъ судомъ, 1802 — 1826 гг., и 4) эпоха выдѣленія полицейскаго суда изъ расправы, 1826—1858 гг.

Слѣдя шагъ за шагомъ за прогрессивными измѣненіями въ соотношеніи между полиціей и юстиціей, въ связи съ историческимъ развитіемъ первой, нельзя было не замѣтить въ то же время тѣхъ условій, которыми опредѣлялось это развитіе и которыя порождались, главнѣйшимъ образомъ, двоякимъ возрѣніемъ законодательства на созданное и развиваемое имъ новое учрежденіе въ общемъ строѣ государственнаго управленія. Съ одной стороны, законодательство смотрѣло на полицію какъ на нѣчто такое, чему можно было поручить выполненіе всѣхъ вообще неорганизованныхъ задачъ государственнаго управленія, для которыхъ не устано-

влено было особыхъ учреждений или которыя не подходили подъ компетенцію существовавшихъ *нормальныхъ* учреждений, причемъ число такихъ задачъ множилось чрезвычайно и въ составъ ихъ входило не мало задачъ совершенно фантастическихъ, неудобоосуществимыхъ. Съ другой стороны, законодательство смотрѣло на ту же полицію не столько какъ на учрежденіе, имѣющее свою точно опредѣленную компетенцію, сколько какъ на извѣстную форму дѣйствія, приложимую къ самымъ разнообразнымъ задачамъ и чрезвычайно пригодную къ уврачеванію всякаго рода внутреннихъ недуговъ. Какъ при опредѣленіи задачъ полиціи, такъ и при опредѣленіи значенія ея, оба воззрѣнія были неоднократно формулированы законодательствомъ до того ясно, что въ господствѣ ихъ въ теченіи всего вышеуказаннаго періода времени не можетъ быть никакого сомнѣнія: оба воззрѣнія были какъ бы возжами, которыми законодательство направляло бѣгъ полиціи.

Въ инструкціи 1719 г. Петръ I предписываетъ земскимъ комиссарамъ „возможно и пристойно въ своемъ уѣздѣ старатися, чтобы подданные при всѣхъ случаяхъ страху Божию и добродѣтели, къ добрымъ поступкамъ, правдѣ и справедливости ко всѣмъ людямъ, тако-жъ къ подданныйшей вѣрности и покорности Его Царскому Величеству обучены и наставлены были, тако-жъ, чтобъ они своихъ дѣтей въ такихъ добрыхъ порядкахъ воспитали, и сколь возможно читанію и письму обучали“. Въ регламентѣ, данномъ главному магистрату въ 1721 г., говорится о полиціи, что „она споспѣшествуетъ въ правахъ и правосудіи; рождаетъ добрые порядки и нравоученія; всѣмъ безопасность подаетъ отъ разбойниковъ, воровъ, насильниковъ, обманщиковъ и симъ подобныхъ; непорядочное и непотребное житіе отгоняетъ и принуждаетъ каждаго къ трудамъ и къ честному промыслу; чинитъ добрыхъ домостроителей, тщательныхъ и добрыхъ служителей; города и въ нихъ улицы регулярно сочиняетъ; препятствуетъ дороговизнѣ и приноситъ довольство во всемъ потребномъ къ жизни человѣческой; предохраняетъ всѣ приключившіяся болѣзни; производитъ чистоту по улицамъ и въ домахъ; запрещаетъ излишество въ домовыхъ расходахъ и всѣ явные погрѣшенія; призираетъ нищихъ, бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ и прочихъ неиму-

шихъ; защищаетъ вдовицъ, сирыхъ и чужестранныхъ; по заповѣдямъ Божиимъ воспитываетъ юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ; въ кратцѣ-жъ надъ всѣми сими полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ, и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобства“.

Екатерина II, опредѣливъ въ большомъ наказѣ задачу полиціи словами „благочиніе или порядокъ въ государствѣ“, говоритъ, что „какъ установленіе сего правленія (т. е. полиціи), намѣреніе и конецъ есть хорошій порядокъ и благочиніе вообще въ гражданскомъ сожитіи, то отсюда явствуется, что каждый членъ общества, какого бы чина и состоянія онъ ни былъ, зависитъ отъ сего правленія“. „Полиція приводитъ къ жизни по учрежденнымъ въ обществѣ правиламъ“, причемъ „уставы сея части суть совсѣмъ другаго рода отъ прочихъ гражданскихъ законовъ“. Полиція снабжается властью, удерживающею „въ почтеніи сію часть правительства, и въ повиновеніи оному всѣхъ прочихъ согражданъ“, и „гдѣ предѣлы власти полицейской кончатся, тамъ начинается власть правосудія гражданского“. Въ учрежденіи о губерніяхъ и въ наказѣ управы благочинія законодательница вмѣняетъ полиціи въ обязанность сохраненіе благочинія, добронравія и порядка, и чтобы предписанное законами полезное повсюду исполняемо и сохраняемо было, причемъ полиція должна была „съ пути сошедшему указывать путь“, наблюдать, чтобы „мужъ прилѣпился къ своей женѣ“ и т. п. Управѣ благочинія предписывалось, между прочимъ, „ежедневно приступать къ разсмотрѣнію дѣлъ, по каждой части, касательно убогихъ, вдовъ и сиротъ, потомъ неимущихъ тяжущихся съ богатыми и знатными“. Въ кругъ обязанностей старшинъ и старость въ казенныхъ селеніяхъ входило, между прочимъ, отвращеніе жителей отъ худыхъ толковъ, наблюденіе за тѣмъ, чтобы дѣти отдавались въ школы, защита жителей отъ обидъ, воспрепятствованіе дробленію семействъ, наблюденіе, чтобы жили дружно и не чинили обидъ, предотвращеніе случаевъ вытравленія плода и дѣтоубійства, попеченіе о сиротахъ, увѣчныхъ и т. п. Приказные и выборные по учрежденію объ императорской фамиліи должны были, между прочимъ, толковать, вразумлять и научать, что до добронравія и

пользы поселянъ относится, поддерживать церковное благочестіе, предостерегать о благочиніи гражданскомъ, имѣть надъ вдовами и сиротами, равно какъ надъ лѣнивыми и нерадивыми, опеку и лично надзирать за ихъ хозяйствомъ.

Александръ I въ самомъ началѣ своего царствованія высказался категорически, что „дѣла и спокойствіе обывателей составляютъ истинный предметъ всѣхъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстъ, и этотъ предметъ долженъ быть единственнымъ и непремѣннымъ основаніемъ ихъ учрежденія“. Полиція считается „одною изъ дѣйствительнѣйшихъ частей управленія“, а между предметами ея „земское благоустройство наипаче должно быть уважено“. „Пріучите обывателей, говорится въ инструкціи Саратовскому губернатору. видѣть въ семъ (т.-е. полицейскомъ) дѣйствиіи правительства не только орудіе, смиряющее преступленіе, но и покровительствующее отъ притѣсненій и охраняющее ихъ собственность, тогда полиція будетъ вмѣстѣ и строга и всѣми уважаема“. При Александрѣ же сдѣлана была попытка учредить особое министерство полиціи, въ которомъ сосредоточились всѣ полицейскія дѣла. Но, съ одной стороны, разнородность, множественность и случайность задачъ этого учрежденія, какъ результатъ условій историческаго развитія ихъ, и, съ другой стороны, господство воззрѣнія на полицію не столько какъ на учрежденіе, сколько какъ на извѣстную „благодѣтельную“ форму дѣйствія, никоимъ образомъ не могли содѣйствовать успѣху этой попытки: министерство полиціи исчезло безслѣдно послѣ кратковременнаго болѣзненнаго существованія.

Наконецъ, при Николаѣ I, законодатель, какъ бы извѣрившись въ способность *общей* полиціи оправдать возлагавшіяся на нее лучшія надежды, учреждаетъ „высшую полицію“, — III Отдѣленіе, на которое въ особенности распространяется господствовавшее воззрѣніе на полицію вообще какъ на складочное мѣсто для наиболѣе „деликатныхъ“ задачъ государства и какъ на особую „утонченную“ форму дѣйствія. Шефу жандармовъ и подчиненнымъ ему чинамъ поручается осушать слезы несчастныхъ, защищать слабыхъ отъ сильныхъ, предупреждать и пресѣкать всѣ злоупотребленія, добрыми внушеніями стараться поселить въ

заблудшихъ стремленіе къ добру и вывести ихъ на путь истины, доводить гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго, беззащитнаго и безгласнаго гражданина ставить подъ Высочайшую защиту Государя Императора, отличать скромныхъ вѣрноподданныхъ и должностныхъ людей, совершенно бѣдныхъ или сирыхъ, живущихъ безъ корысти однимъ лишь жалованьемъ, и т. п., причемъ опредѣленіе формы и предѣловъ власти этой полиціи предоставлено было ея прозорливости и благородному благоусмотрѣнію, „ибо невозможно предначертать правила, которыми она должна руководствоваться“.

Оба эти возрѣнія параллельно сопутствовали полицію въ ея поступательномъ движеніи, однако историческія судьбы ихъ были неодинаковы.

Возрѣніе на полицію преимущественно какъ на извѣстную форму дѣйствія, то усиливаясь, то ослабѣвая, устояло до сихъ поръ предъ напоромъ враждебныхъ ему элементовъ и въ новѣйшее время проявило себя съ особенной силой, причемъ, какъ мы укажемъ въ заключеніи нашего изслѣдованія, оно повліяло въ сильнѣйшей степени на судьбу почти всѣхъ реформъ прошлаго царствованія и на реформу полиціи — въ особенности. Благодаря этому возрѣнію, въ обществѣ и отчасти даже въ правительственныхъ сферахъ установились нѣкоторыя совершенно превратныя понятія о полиціи; вслѣдствіе чего, напримѣръ, словами „полицейскія мѣры“ или „полицейскія мѣропріятія“ у насъ завѣдомо и всегда опредѣляются исключительно только мѣры превентивныя, репрессивныя или вообще принудительныя, между тѣмъ какъ тѣ же слова въ переводѣ на любой иностранный языкъ отнюдь такого исключительнаго значенія не имѣютъ, опредѣляя собою не только мѣры отрицательныя, но и положительныя, т.-е. вообще мѣры, направленные къ достиженію общаго блага. Благодаря этому же возрѣнію, у насъ до сихъ поръ не усвоено и не примѣнено на практикѣ то основное положеніе, что принудительная власть отнюдь не составляетъ исключительнаго достоянія одной только полиціи, которая, вслѣдствіе исключительнаго присвоенія только ей этой формы исполненія, необходимой, въ сущности, всѣмъ органамъ управленія, будутъ ли они правительственными или общественными, снабжена у насъ непомерно интензив-

ною властью, несоотвѣтствующею значенію полиціи, какъ учрежденія, вѣдающаго одну только безопасность. Наконецъ, благодаря все тому же возрѣнію, наша полиція поставлена въ совершенно ложное положеніе, которое не можетъ не оказывать отрицательнаго вліянія на взаимныя отношенія между ею и обществомъ.

Что же касается возрѣнія на полицію, какъ на складочное мѣсто для всякаго рода задачъ, имѣющихъ цѣлью уврачеваніе разнообразнѣйшихъ внутреннихъ золъ, то оно шло развиваясь до неудачнаго опыта учрежденія министерства полиціи, когда впервые зародилось сомнѣніе въ правильности такого возрѣнія. Но, какъ указываетъ фактъ учрежденія III отдѣленія, въ качествѣ „высшей полиціи“, долженствующей предупреждать и пресѣкать всякаго рода отрицательныя явленія въ общественной и даже частной жизни, сомнѣніе это было мимолетное и уступило свое мѣсто новому господству все того же возрѣнія. Однако и III отдѣленіе далеко не оправдало возлагавшихся на него надеждъ, вслѣдствіе чего господствовавшее возрѣніе на полицію было опять поколеблено и съ этого времени законодательство начинаетъ искать новыхъ путей къ достиженію тѣхъ же задачъ и этими-то поисками ознаменовывается вся та эпоха въ исторіи русской полиціи, которая послужила намъ предметомъ изслѣдованія. Начиная съ 1858 г., законодательство стремится посредствомъ цѣлаго ряда реформъ достигнуть того „общаго благополучія“, которое должна была дать полиція, но не дала. Крестьянской реформой уничтожается могущественное орудіе для „порабощенія слабыхъ сильными“; преобразование сельскаго, земскаго и городскаго самоуправленія направлено было къ водворенію „благостоянія и спокойствія всѣхъ сословій“; реформой суда пытались приблизиться къ идеалу „совершеннаго правосудія“; кореннымъ же улучшеніемъ устройства полиціи имѣлось въ виду обезпечить „безопасность“.

Не произнося приговора надъ реформами минувшаго царствованія по существу, мы можемъ тѣмъ не менѣе теперь, по прошествіи болѣе чѣмъ 20 лѣтъ со времени начала преобразованій, имѣя въ виду цѣли правительства, средства къ осуществленію ихъ и достигнутые результаты, подвести итогъ этой преобразовательной дѣятельности въ отношеніи

къ полиціи, разсматриваемой не отдѣльно, а въ связи съ общимъ строемъ государственнаго управленія.

Сельское самоуправленіе, построенное на сословныхъ началахъ и при полной обособленности отъ болѣе интеллигентнаго слоя общества, никоимъ образомъ не могло сохранить своей самостоятельности и естественно должно было подпасть вліянію мѣстной администраціи, чему въ значительной степени содѣйствовали еще и позднѣйшія частыя отступленія отъ началъ положенія 19 февраля. Введеніемъ земскихъ учрежденій 1864 г. компетенція полиціи претерпѣла значительное сокращеніе, такъ какъ вся хозяйственно-распорядительная часть, вѣдавшаяся ею, отошла къ земству. Но, возложивъ на земство чуть ли не универсальныя задачи по мѣстному благоустройству, законъ не снабдилъ его необходимою для осуществленія этихъ задачъ принудительною властью, оставшеюся исключительнымъ достояніемъ полиціи, вслѣдствіе чего явилось крайне странное несоотвѣтствіе между цѣлями и средствами къ достиженію ихъ, а ближайшимъ результатомъ такого несоотвѣтствія было совершенно несправедливое обвиненіе русскаго общества въ „незрѣлости“, въ неспособности „стать на высотѣ своей задачи“, въ безсиліи „оправдать надежды правительства“. Болѣе интимная связь преобразованнаго въ 1870 г. городского самоуправления съ полиціей выразилась сколько нибудь реально лишь въ томъ, что на городскую казну возложены были расходы по содержанію полиціи. Но, обременяя городской бюджетъ крупной статьей расхода по содержанію полиціи и лишая въ то же время городское общество сколько нибудь дѣйствительнаго вліянія на составъ и организацію полиціи и контроля надъ ея дѣятельностью, реформа содѣйствовала болѣе разобщенію этихъ двухъ сферъ, нежели ихъ солидарности, столь необходимой для цѣлей городского благоустройства.

Достиженіе цѣлей правосудія обусловливалось по мысли законодателя какъ фактическимъ, такъ и юридическимъ отдѣленіемъ судебной власти отъ административной, полной независимостью суда отъ администраціи. Въ судебной реформѣ однако же допущены были нѣкоторыя отступленія отъ этого начала, такъ какъ, съ одной стороны, вся область такъ называемой административной юстиціи была

оставлена по прежнему главнѣйшимъ образомъ въ рукахъ активной администраціи ¹⁾, съ другой же стороны—преданіе должностныхъ лицъ суду за преступленія по службѣ также по прежнему обусловливалось предварительнымъ согласіемъ ихъ начальствъ. Тѣмъ не менѣе, не взирая на эти отступленія отъ принципа, судебная реформа 1864 г. внесла въ наши суды существеннѣйшія улучшенія, устранивъ, между прочимъ, полицію отъ отправленія правосудія и участія въ слѣдственномъ производствѣ, причемъ за полиціей оставлено только производство дознаній. Но, къ сожалѣнію, неопредѣленное отношеніе полиціи къ судебнымъ властямъ, остававшееся слишкомъ долго не урегулированнымъ, породило между обоими вѣдомствами такого рода антагонизмъ, который не могъ не отразиться самымъ невыгоднымъ образомъ на всей слѣдственной части. Еще болѣе пагубное значеніе имѣлъ законъ 19 мая 1871 г., возложившій на жандармскихъ чиновъ производство дознаній по политическимъ преступленіямъ, съ предписаніемъ руководствоваться при этомъ правилами, установленными для предварительныхъ слѣдствій. Такое отождествленіе дознанія съ предварительнымъ слѣдствіемъ, сдѣланное, конечно, для большаго уясненія жандармскимъ чинамъ существа новой обязанности ихъ, шло однако же рѣшительно въ разрѣзъ съ духомъ судебныхъ уставовъ, тѣмъ болѣе, что затѣмъ самое понятіе о политическихъ преступленіяхъ было расширено и чины прокурорскаго надзора приобщены были къ дѣламъ, производившимся административнымъ порядкомъ.

Рядомъ съ преобразованіемъ общественнаго самоуправленія и суда шла дѣятельная реформа полиціи, какъ органа безопасности. Реформа эта, задуманная первоначально въ весьма широкихъ размѣрахъ, скоро приняла однако довольно одностороннее направленіе. Вниманіе правительства сосредоточилось почти исключительно только на увеличеніи личнаго состава полиціи и на усиленіи полицейской централизаціи; по крайней мѣрѣ, въ этомъ именно направленіи получились результаты вполне осязательные. Съ

¹⁾ Положеніе и значеніе 1-го департамента правительствующаго сената, въ качествѣ вышаго въ имперіи административнаго судилища, было какъ бы упущено изъ виду судебной реформой, не коснувшейся этого чрезвычайно важнаго судебно-административнаго учрежденія.

упраздненіемъ городскихъ полицейскихъ кварталовъ городская полиція пріобрѣла возможность дѣйствовать быстрее и интенсивнѣе; учрежденіе градоначальства поставило столичную полицію въ болѣе непосредственную связь съ центральной администраціей; господствовавшій прежде дуализмъ между городской и уѣздной полиціями устраненъ былъ объединеніемъ ихъ въ одномъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи. Рядомъ съ этимъ произошло какъ бы повышение чиномъ главныхъ представителей полиціи въ сферѣ мѣстнаго управленія. Исправникъ, поставленный во главѣ уѣздной полиціи, будучи лишенъ своего сословнаго характера, получилъ значительное приращеніе власти въ качествѣ члена уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ и по воинской повинности присутствій и превратился какъ бы въ маленькаго губернатора. Въ то же время губернаторская власть, сдѣлавшись болѣе интенсивною вслѣдствіе реформы губернскихъ правленій на началахъ централизаціи и вслѣдствіе права издавать обязательныя постановленія, стала приближаться къ типу власти генералъ-губернаторовъ. Эти же послѣдніе, получая постоянное приращеніе власти въ цѣломъ рядѣ узаконеній, были наконецъ облечены положеніемъ объ охранѣ чуть ли не диктаторскою властью въ управляемой ими области, причемъ высшее свое объединеніе вся эта областная централизація нашла въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточились и всѣ функціи жандармской полиціи, утратившей свое обособленное и самостоятельное положеніе послѣ упраздненія III отдѣленія.

Подводя итоги полицейской реформы, мы можемъ безъ колебанія сказать, что значительное сокращеніе компетенціи полиціи не только не ослабило послѣдней, но она вышла изъ эпохи преобразованій съ болѣе интенсивной и централизованной властью; если же принять во вниманіе полномочія, предоставленныя ей положеніемъ объ охранѣ, то придется признать, что она получила возможность въ небывалыхъ до сихъ поръ размѣрахъ воздѣйствовать на юстицію и на общественное самоуправленіе. Подобный исходъ широко задуманной реформаторской дѣятельности, могъ бы, при нормальномъ теченіи государственной жизни, привести къ заключенію, что законодатель, отступившись принципиально отъ намѣченной имъ программы, рѣшился

достигнуть иного рода средствами цѣлей государственнаго благоустройства, безопасности и правосудія. Но цѣлый рядъ слишкомъ памятныхъ событій дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ иного рода предположеніе, а именно—что правительство, не отказываясь отъ основныхъ началъ своей преобразовательной дѣятельности, увидѣло себя вынужденнымъ, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, сосредоточить все свое вниманіе и всю интензивность своей власти на цѣляхъ государственной безопасности, временно принося этому въ жертву всѣ прочія цѣли государственнаго управленія. Если предположеніе это находитъ себѣ полное подтвержденіе въ томъ, что отступленія отъ реформъ прошлаго царствованія идутъ параллельно съ проявленіями революціонной дѣятельности извѣстной партіи, то, съ другой стороны, все усиливавшаяся дѣятельность эта, завершившаяся въ страшный день 1 марта, столь же не двусмысленно доказываетъ, что въ существующей организаціи нашей высшей и низшей полиціи коренятся существеннѣйшіе недостатки, которыми и обусловливается рѣзкое несоотвѣтствіе между громадностью затрачиваемыхъ средствъ и сравнительной бѣдностью достигаемыхъ результатовъ.

Обиліе правительственныхъ агентовъ, при дружномъ взаимодействіи всѣхъ ихъ и при строгомъ контролѣ центральной власти, служить, конечно, весьма дѣйствительнымъ средствомъ для энергическаго проведенія мѣропріятій правительства. Но такое же самое изобиліе агентовъ, при недостаточно строго опредѣленной компетенціи каждаго изъ нихъ, приводитъ неизбѣжно къ взаимнымъ столкновеніямъ, противодѣйствию или полному бездѣйствию власти. что въ свою очередь порождаетъ необходимость въ новомъ увеличеніи личнаго состава и въ еще болѣшей централизаціи, при столь же мизерныхъ результатахъ. Кромѣ того, немѣрное увеличеніе личнаго состава всевозможныхъ полицій, обременяя государственную казну непосильнымъ расходомъ, препятствуетъ правительству установить сколько нибудь достаточное содержаніе для огромной арміи низшаго служебнаго персонала, и, ухудшая неизбѣжно качество его, дѣлаетъ столь необходимый въ данномъ случаѣ контроль совершенно иллюзорнымъ. Между тѣмъ активное участіе общества въ заботахъ правительства о государст-

венной безопасности представляется бесспорно однимъ изъ самыхъ надежныхъ средствъ для достиженія цѣли. При правильномъ теченіи государственной жизни оно имѣетъ всегда самое благотворное воспитательное значеніе для общества, а въ эпохи кризисовъ оказываетъ неоцѣненныя услуги правительству. Тогда какъ требованіе этого содѣйствія, обращенное ко всѣмъ классамъ общества только въ видѣ крайней, чрезвычайной мѣры, а къ низшимъ классамъ—въ видѣ постоянной и притомъ безвозмездной натуральной повинности, разумѣется, можетъ дать только весьма скудные или даже сомнительные результаты.

Исключительныя обстоятельства требуютъ, безъ сомнѣнія, и мѣръ исключительныхъ. Учащенныя государственныя преступленія, принявшія въ позднѣйшее время какъ бы стихійный характеръ, заставили въ Западной Европѣ обратить особое вниманіе на сыскную полицію. Вполнѣ заслуженной извѣстностью пользуется въ этомъ отношеніи англійская сыскная полиція, успѣшная дѣятельность которой въ значительной степени обусловливается ея популярностью. Въ глазахъ общества она отнюдь не имѣетъ одіознаго характера, такъ какъ ей не присвоена судебная власть, предоставленная же ей принудительная власть обставлена всѣми необходимыми гарантіями для правильнаго пользованія ею, причемъ отъ возможныхъ со стороны этой полиціи промаховъ общество вполнѣ обезпечено правильнымъ судебнымъ процессомъ. У насъ же есть тайная политическая полиція, не обладающая преимуществами хорошей сыскной полиціи и притомъ осужденная дѣйствовать среди такихъ препятствій, отъ которыхъ правильно организованная сыскная полиція можетъ быть совершенно свободна. Среди этихъ препятствій первенствующее мѣсто принадлежитъ той карательной власти, которою облечена тайная полиція и которая не только не содѣйствуетъ предупрежденію, пресѣченію и раскрытію преступленій, но является весьма существенной помѣхой, такъ какъ вселяетъ въ гражданахъ тревогу и лишаетъ полицейскую дѣятельность того общественнаго сочувствія и той общественной поддержки, безъ которыхъ, въ сущности, полиція безсильна сколько нибудь полно удовлетворять своему назначенію.

Все вышесказанное не оставляетъ, кажется, никакого со-